

A woman with long, wavy hair is seen from the back, looking out a window at night. The window is covered in rain droplets, and the city lights outside are blurred into bokeh. On the windowsill in the foreground, there is a white mug and a blue, worn book. The overall mood is contemplative and melancholic.

Три
не-поцелуя

А. Opus

18+

А. Орус

Три не-поцелуя

<https://litres.ru/73977436>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Три не-поцелуя». «Пикник у реки». «Винная карта». «Геймерша». «Отражение».

Пять историй о напряжении между людьми, которые не торопятся его снимать.

Взгляд в зеркале. След ладони на стекле. Бокал Риохи. Шум чайника. Пауза перед поцелуем.

Никакой пошлости. Только жесты, намёки и тишина, которая говорит громче слов.

Содержание

Три не-поцелуя, или Варшавская мелодия с дымом Лафройга	4
Б	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

А. Орус

Три не-поцелуя

Три не-поцелуя, или Варшавская мелодия с дымом Лафройга

Ледовый городок.

14 января 2009

Площадь 1905 года тонула в синем зимнем свете. Фонари ещё не зажгли, но витрины уже лили на лёд жёлтые лужи, и в них отражалась двадцатиметровая ёлка. Мы с Ольгой бродили по лабиринту из ледяных глыб — прозрачных, как застывшая вода, и тяжёлых, как целые эпохи. Она щебетала радостно и легко; её голос звенел в морозном воздухе, смешиваясь с детским смехом и криками с горок. Потом она остановилась у ледяной стены, сняла перчатку, смяла в кулаке монетку и начала согревать её дыханием. — Зачем? — спросил я. — На удачу, — улыбнулась она. — Пусть примёрзнет. Пусть останется, когда мы уйдём. Я взял её руки — холодные, почти прозрачные — и сжал в своих ладонях. Она не сопро-

тивлялась. Только смотрела на меня поверх наших сцепленных рук, и в её глазах отражались огоньки ёлки. Она быстро, почти по-воровски, провела ладонью по моей щеке. Кожа вспыхнула — то ли от прикосновения, то ли от мороза. — Пошли, — сказала она. — А то замёрзнем. Я крепче сжал её руку и подумал, что, возможно, нам хватит этого тепла.

Первый не-поцелуй.

Ганина Яма. Сентябрь 2005

Она вышла из театра в белом кашемировом пальто. Улыбчивая блондинка, двадцать лет. От неё пахло прохладой и дорогими духами, которых я тогда не знал. Она только что смотрела «Варшавскую мелодию». Название спектакля я узнаю лишь спустя годы. А тогда это была просто мелодия, которую я не слышал, но видел — в её смехе, в лёгкости, с которой она села в мою машину. Я хотел её поцеловать. Яркий осенний день, поворот к монастырю, уединение, молодость — казалось, всё складывалось идеально. Но она открыла люк в крыше, встала во весь рост, раскинула руки и подставила солнцу не губы, а всё своё двадцатилетнее существо. Я сидел за рулём. Передо мной не было её лица — только освещённые осенним светом бёдра в тугих джинсах. Прикосновение осталось в воздухе. Она выбрала солнце. И этим сказала всё. Я тогда не знал, что та, что тянется к небу, — бывшая офици-

антка из бара, певшая с гитарой в переходе. И что на её телефоне — заставка с собакой и надписью: «злая как сука».

Второй не-поцелуй.

Сумка на заднем сиденье. 2015

Спустя десять лет я узнал название того спектакля. И многое ещё. Что она теперь управляющая, а не официантка. Что её муж контролирует каждый шаг, и наше общение — её тихий, точный бунт. Что вместо дешёвого вина она выбирает дымный Laphroaig и мягкий Macallan — не только из-за вкуса, но и потому, что вкус стал языком. Она тянулась за сумкой на заднем сиденье — слишком долго и слишком красиво, будто знала, что я смотрю. Потом обернулась. В её взгляде не было вызова. Скорее вопрос: «Ты всё ещё говоришь на моём языке?» Поздним вечером мы болтали о пустяках — и обо всём сразу. Я, желая поразить её, процитировал первую строчку, пришедшую в голову: «Как кусочек стекла, голубое море у Линдона» Она не задумалась ни на секунду. Её голос в трубке был тихим, будто она всю жизнь ждала этого момента: «Облака добела отстирались летними ливнями» Мы продолжили через километры проводов, строфа за строфой, пока не дошли до финала. В трубке повисла тишина — густая и звонкая, как тот самый осколок. Мы не были влюблёнными. Скорее, хранителями одного и того же хрупкого ландшафта, который с годами не помутнел, а стал только звонче.

Третий не-поцелуй.

Настоящее время. 2025

Мы не целуемся до сих пор. Вместо этого — ритуал. Иногда она присылает фото из спортзала, смеётся, проверяет меня на прочность. Она — тургеневская девушка, просящая избавить её от подробностей моих историй, и та самая собака с заставки, способная одним сообщением разрушить мою уверенность. Как-то после отпуска с мужем пришло сообщение: «Наконец-то мои коленки встретились». Я представил эту сцену: уставшее, довольное тело, любимый муж — и наш с ней диалог, который, возможно, для неё реальнее физического. Мы не дарим друг другу вещи. Мы дарим контекст. Отсылку к общей мелодии, которую всё ещё слышим, даже не зная названия. Мы так и не поцеловались. Потому что поцелуй — это точка. А мы пишем многоточие. Когда я смотрю на неё сейчас, понимаю: тот первый не-поцелуй у Ганиной Ямы был не отказом. Он был камертоном. Он настроил наши жизни на одну частоту, где важны не обладание и не исключительность, а чистота резонанса.

Где два человека двадцать лет слышат одну и ту же, никому другому не слышную, варшавскую мелодию.

Как кусочек стекла, Голубое море у Линдона. Облака добела Отстирались летними ливнямиИ, может быть, — в этом

и был наш поцелуй.

Б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.